

Аникин Даниил Александрович

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

В статье анализируются политические предпосылки формирования представлений о прошлом в молодежной среде. Автор исследует методологические предпосылки конструктивистского понимания исторической памяти и указывает на тесную взаимосвязь процесса конструирования с поколенческой динамикой передачи социального опыта. Современная российская молодежь находится в ситуации постепенного ухода от тех воспоминаний, которые считались жизненно важными для предшествующих поколений, что может привести к возникновению рисков исторической памяти и способствует формированию определенной политики памяти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 19-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. Кавказ и Российская империя. Проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2005. 720 с.
4. Кавказский запрос в Государственной Думе: полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. Тифлис: Электронпечатня Ч. Г. Хачатурова, 1909. 280 с.
5. Мартиросиан Г. К. История Ингушии. Владикавказ, 1933. 314 с.
6. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 680 с.
7. Ортабаев Б. Х. Терское казачество накануне Великого Октября // Казачество в революциях и гражданской войне: материалы второй Всесоюзной научной конференции (г. Черкесск, 9-11 сентября 1986 г.). Черкесск, 1988. С. 89-95.
8. Терская жизнь. 1914. 21 сентября.
9. Терский календарь на 1911 год. Владикавказ, 1911. 578 с.
10. Ткачев Г. А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. Вып. 2. Труды Терского Общества Любителей Казачьей Старины. 158 с.
11. Хасбулатов А. И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994. 252 с.
12. Хубулова С. А. Казачье землевладение и социальное напряжение в горских районах Северного Кавказа в начале XX века. Волгоград, 2000. 424 с.
13. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа. М., 2006. 128 с.

SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE TEREK REGION AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES AND ITS INFLUENCE ON INGUSHETIA

Azhigova Aya Magomedovna
Ingush State University
tmt_77@list.ru

The article is devoted to the study of the peculiarities of the socio-economic development in the Terek region during the last years of the XIX – the first years of the XX century. Special attention is paid to the events in Ingushetia, which are compared with the economic situation of the population in other parts of the Terek region. The issues of the development of agricultural sector, the distribution of land, and interconnections between economic and socio-political problems are considered in detail. The strong interrelation of socio-economic realia in the region with the general situation in the country is studied; the high degree of the dependence of the economic realia of the Terek region in general and in Ingushetia in particular on the steps of the government in the field of socio-economic reformation at the turn of the centuries is shown.

Key words and phrases: the Terek region; land tenure; the Cossacks; mountaineers; administration; military and public control; agriculture.

УДК 316.33

Философские науки

В статье анализируются политические предпосылки формирования представлений о прошлом в молодежной среде. Автор исследует методологические предпосылки конструктивистского понимания исторической памяти и указывает на тесную взаимосвязь процесса конструирования с поколенческой динамикой передачи социального опыта. Современная российская молодежь находится в ситуации постепенного ухода от тех воспоминаний, которые считались жизненно важными для предшествующих поколений, что может привести к возникновению рисков исторической памяти и способствует формированию определенной политики памяти.

Ключевые слова и фразы: историческая память; поколение; молодежь; социальная динамика; легитимация; забвение; риски.

Аникин Даниил Александрович, к. филос. н., доцент
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
dandee@list.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ[©]

*Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-33-01003
«Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».*

Историческая память представляет собой проекцию прошлого в контексте современных социокультурных и социально-политических реалий, она является не только формой мышления, но и социальной практикой, реализуемой посредством создания музейных экспозиций, туристических маршрутов, публичных коммемораций. По сути, это набор повседневных знаний о прошлом, который актуализируется в различных социальных практиках, выступая источником идентификации индивида с определенным сообществом, причем основным критерием такого соотношения является не столько знание определенного набора фактов, сколько солидарность в отношении оценок этих фактов.

А. Ассман справедливо указывает, что изменения в социально-гуманитарном дискурсе, актуализировавшие само понятие «историческая память», параллельно способствовали постепенному уменьшению значимости понятия «идеология». Но дело тут вовсе не в том, что историческая память рассматривается как рафинированный продукт социальных процессов, избавленный от политического влияния. «Идеология – это оборотная сторона имплицитного и самоуверенного чувства истины» [5, р. 41]. Иначе говоря, представление об идеологичности каких-либо суждений строится на уверенности в существовании «объективной точки зрения». В том случае, если представление о существовании абсолютной истины оказывается развенчано, «идеология» утрачивает свое методологическое значение, превращаясь в символический маркер неразделяемой точки зрения. Понятие «историческая память» исходит из относительности и условности связи между современной репрезентацией прошлого и самим историческим событием, которое в данной репрезентации отражается. Соотношение прошлого и настоящего представляется неоднозначным диалогом, в котором сопряжение полюсов обусловлено не только политическим запросом современности, но и теми условиями, в которых порождаются смыслы такого соотношения.

Конструктивистское понимание исторической памяти акцентирует внимание на том факте, что представление об устойчивости и неизменности определенных форм отражения прошлого является лишь свойством человеческого восприятия, в то время как на самом деле социальная динамика подразумевает закономерную смену если даже не самого фактологического ряда, то форм его репрезентации. Одно и то же событие, в зависимости от способа его актуализации, отношения между ним и субъектом восприятия, может наделяться эмоциональными, когнитивными, императивными и другими характеристиками. В конце концов, один и тот же факт, о котором сообщает политический деятель в своей речи или рассказывает режиссер с помощью кинематографических средств, по-разному будет отображаться и закрепляться в памяти зрителя/слушателя.

Особое значение для изучения динамики исторической памяти имеет уяснение ее взаимосвязи с механизмами социального развития, в первую очередь, со сменой поколений. Эта проблема не нова для философии, поскольку еще Платон выражал опасение, что развитие письменности чревато забвением. В его диалоге «Федр» египетский царь Тамус говорит богу Тоту, изобретателю письменности: «В души научившихся им они (письмена) вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [3, с. 184]. Иначе говоря, индивид будет полагаться на то, что необходимая информация содержится в письменном тексте, поэтому ее можно не хранить в памяти. Такая трактовка упрощает сложный и во многом противоречивый переход от живой памяти к тексту, а от текста – обратно к живой памяти читателя. То, что с точки зрения платоновского идеализма представляло собой опасный отказ от онтологически присущей человеку способности к сохранению прошлого (ибо эта способность являлась свойством бессмертной души), с точки зрения социально-философского дискурса представляет собой одну из форм социальной коммуникации.

Американский исследователь Джеффри Олик выстраивает следующую классификацию способов передачи исторической памяти в зависимости от выбора технических средств и определенных социальных практик (Таблица 1) [6, р. 153-154].

Таблица 1.

Способы передачи исторической памяти

Критерий	Способ передачи
1. Аффективный	Политические фестивали, юбилеи
2. Эстетический	Места памяти: руины, исторические места, музеи, фотографии, письма, фильмы
3. Когнитивный	Историография, документы, устная история, исследования
4. Нормативный	Наказание, амнистия, репарация

Выбор того или иного способа передачи не просто обуславливает смысл передаваемого сообщения, но и определяет ту социальную функцию, которой наделяется событие прошлого, о котором идет речь. Особое значение выбор способа передачи представлений о прошлом имеет для молодежи, что связано, в первую очередь, с тем специфическим положением, которое занимает эта социальная группа в структуре общества.

Символическим маркером, обозначающим положение молодежи в современном российском обществе, становится трансформация исторической памяти, прежде всего, памяти об относительно недавнем прошлом. Социологические исследования, выявляющие специфику исторической памяти в российском социуме, обращают внимание на тот факт, что по-прежнему наиболее важным событием в отечественной истории считается Великая Отечественная война. Но подобная однозначность при оценке общества в целом не должна перечеркивать тот факт, что при изучении различных социальных групп можно выявить любопытные закономерности трансформации исторической памяти.

Если в возрастной группе свыше 50 лет фиксируется устойчивое внимание к истории Великой Отечественной войны (70% респондентов), то в молодежной среде однозначно свой интерес к этому историческому событию обозначают лишь 28% опрошенных [4]. Причем в качестве обоснования отсутствия такого интереса самими представителями молодого поколения указывается на отдаленность данных событий от реалий современной жизни. По сути, в современном российском обществе складывается специфическая ситуация, при которой старшая возрастная группа еще обладает специфической исторической памятью, почерпнутой, по большей степени, в семье, о событиях Великой Отечественной войны, в то время как молодежь продолжает сохранять эту память, скорее, «по инерции». Память о войне для молодежи важна не сама по себе, а как те ценности, которые значимы для предшествующего поколения. Иначе говоря, для молодежи сохранение данного пласта исторической памяти обладает уже не самодостаточным значением, а является специфической формой «вежливости» по отношению к родителям. По сути, эта память является тем скрепляющим элементом, который обеспечивает взаимосвязь поколений и социальную солидарность в российском обществе, значительно трансформированном за годы реформ и социальных преобразований конца XX века.

История с опросом о блокаде Ленинграда, проведенным телекомпанией «Дождь» в 2014 г., отчетливо демонстрирует ту базовую роль, которая сохраняется за исторической памятью о Великой Отечественной войне в формировании современной российской идентичности. Причем системообразующий характер памяти о войне подчеркивается остротой переживания любого сомнения в масштабе тех исторических событий, которые составляют неперменный набор коллективной идентичности. С целью уменьшения подобной травматичности системообразующие факты подвергаются кодификации, которая облегчается постепенным переходом транслируемых воспоминаний из памяти коммуникативной (живой) в память культурную (застывшую), а кодификация заключается в создании правовых и морально-этических рамок интерпретации исторических событий.

Естественным следствием прохождения «временного порога» является селекция воспоминаний. Целью селекции становится сохранение той памяти, которая служит консолидации российского общества, с одновременным устранением тех знаний о прошлом, которые имеют деструктивный характер. При этом речь не идет об истинности или ложности подвергаемых отбору воспоминаний, а исключительно о социальном или политическом прагматизме. Аналогом Великой Отечественной войны для современного российского общества является Холокост (в случае большинства европейских государств), что проявляется в официальном запрете на сомнения относительно Холокоста в законодательных практиках целого ряда стран [1, с. 7-14].

Показательным для российского общества в этом смысле становится опыт Германии, для которой дебаты об исторической памяти стали важным элементом политической жизни в 70-80-е годы XX века. В результате ожесточенных дискуссий, сопряженных с конфликтом поколений в политической жизни германского общества, победила точка зрения «пересмотра» нацистского периода, заключающаяся в «публичном покаянии», принесенном молодым поколением за преступления, совершенные их отцами и дедами. Можно согласиться с А. Миллером, что историческая политика в современном российском обществе актуализирует принципиально иные механизмы исторической памяти, которые можно условно обозначить как «вытесняющее забывание» [2, с. 356].

Забывание в данном случае выступает не способом устранения «травматических» событий прошлого, а путем их вытеснения в общественное сознание маргинальных социальных групп, из которого, однако, эти воспоминания могут извлекаться в самый неподходящий момент в связи с изменением социально-политического контекста.

Теме не менее, принципиально важным становится понимание исторической памяти о Великой Отечественной войне как точке консенсуса между властью и обществом в современной России. Если для общества роль данной памяти определяется фактором поддержания коллективной идентичности, то безусловная поддержка и воспроизводство властью устойчивых репрезентаций военного прошлого обусловлены несколько иными причинами. Разумеется, нельзя упускать из виду стремление к использованию властью общественной солидарности в оценках определенных исторических событий в качестве ресурса легитимации собственных полномочий. Но не менее значим и другой аспект – Великая Отечественная война предстает для властной элиты способом оправдания негативных элементов общественно-политической жизни российского общества на протяжении XX столетия. Победа в войне выступает тем символическим маркером, который нивелирует те социально-политические и экономические явления, которые в противном случае могли бы интерпретироваться как ошибки и заблуждения властных элит.

Ориентация на неизменное отношение к событиям прошлого, без учета новых конфигураций социального и политического взаимодействия между государствами, социальными группами и поколениями, чревата несколькими потенциально негативными следствиями, которые можно определить как *риски исторической памяти*. Во-первых, выхолащивание эмоционального содержания исторической памяти, в результате чего живые воспоминания одного поколения не становятся основой культурной памяти для следующих поколений, а лишаются привязки к обществу в целом или отдельным его слоям. Во-вторых, изменение концептуальных рамок воспоминания, в силу чего одни и те же события прошлого становятся источником альтернативных и даже конфликтногенных интерпретаций (историческая память о Второй мировой войне на Украине). В-третьих, деструктивная трансформация ориентиров общественного развития, обусловленная рассогласованием исторических детерминант и политически определяемых целей.

В качестве вывода проведеного исследования следует отметить, что использование политических и правовых средств для урегулирования негативных аспектов отношения молодежи к своему прошлому обладает двойственным эффектом. Нацеленность политики памяти на поддержание существующего социального порядка, стабилизацию общественных отношений несет положительные последствия только в обществе,

обладающем значительной степенью консолидации и единодушия по отношению к ориентирам общественного развития. В противном случае политические средства регулирования исторической памяти, рассчитанные на краткосрочный период времени, оказываются неэффективными и способствуют общественной дезинтеграции. Разработка грамотных и взвешенных стратегий отношения к прошлому, учитывающих рискованные аспекты данной проблематики, является в настоящее время насущной задачей не только для органов власти, но и для всего российского общества в целом.

Список литературы

1. **Копосов Н. Е.** Память строгого режима. М., 2010. 320 с.
2. **Миллер А.** Историческая политика в России: новый поворот // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328-367.
3. **Платон.** Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 160-192.
4. **Чернова О. В.** Историческая память россиян о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal=68> (дата обращения: 02.02.2015).
5. **Assmann A.** Re-framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Tilmans K., Vree F. van, Winter J. Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam University Press, 2010. P. 35-50.
6. **Olick J.** From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: an international and interdisciplinary handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. P. 151-161.

MEMORY POLICY IN YOUTH ENVIRONMENT: TENDENCIES AND RISKS

Anikin Daniil Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
dandee@list.ru

The article analyses the political prerequisites of the formation of the ideas about the past in youth environment. The author examines the methodological prerequisites of the constructivist understanding of historical memory and points out the close connection of the process of construction with the generation dynamics of the transmission of social experience. Contemporary Russian youth is in the situation of gradual avoiding those memories, which were considered essential for previous generations that may lead to the appearance of historical memory risks and contributes to the formation of certain memory policy.

Key words and phrases: historical memory; generation; youth; social dynamics; legitimization; oblivion; risks.

УДК 342.7

Юридические науки

Статья посвящена исследованию особенностей реализованной в Южно-Африканской Республике модели социального государства. Она определяется как «трансферное государство благосостояния» со значительным элементом влияния этнического (расового) признака. Делается вывод, что описанная модель характерна только для данного государства и не исследовалась ранее. Автор изучает либерализацию модели социального государства в ЮАР в последнее время; рассматривает конституционно-нормативные основания квалификации ЮАР в качестве государства благосостояния; анализирует отдельные положения различных редакций Конституции в части толкования конституционного принципа социальной ответственности государства, сформулированного в решениях правящей в стране партии, оформленных нормативно.

Ключевые слова и фразы: социальное государство; социальность государства; государство благосостояния; конституционный принцип; социальное обеспечение.

Аристов Евгений Вячеславович, к.ю.н.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
welfarestate1@gmail.com*

ГОСУДАРСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ[©]

Несмотря на то, что Южно-Африканская Республика является государством со средним уровнем доходов, по международным стандартам оно имеет широкую систему социального обеспечения для целевых аудиторий [1].

Основными проблемами системы социального обеспечения Южно-Африканской Республики являются низкое качество предоставляемых населению социальных услуг и, следовательно, ограниченные возможности населения становиться экономически активным и продуктивным, что такие услуги, в идеале, должны обеспечивать. Низкое качество социальных услуг и минимальная отдача от населения за получение таких